

Накануне Победы

Страницы из дневника

В 44-м году, после окончания ГИТИСа, я поступила в Центральный театр Красной Армии. Актерские бригады ездили на фронт уже с первых дней войны. В начале 42-го десятая по счету бригада попала в окружение. Не вернулся режиссер В. П. Пильдон, актеры Борис Рудый, Тося Романова, в концлагерь попали Александр Корзыков, Виктор Кручинин. Корзыков умер, Кручинин дождался освобождения, вернулся. Выходила из окружения Н. А. Сазонова...

Летом 44-го на фронт отправлялась концертная бригада. Но мы, младшее поколение, в поездку не попадали. Это было горе. Нас похлели и сформировали из молодежи другую концертную бригаду, придав нам Петра Александровича Константинова и Рафаила Ильича Ракитина. Он вел концерт в образе дворника, имел большой успех.

Сшили нам хорошие защитные костюмы, нарядили в длинные офицерские плащи, и мы отправились на 1-й Белорусский фронт, в 8-ю гвардейскую армию Рокоссовского. Сначала — в тыловую деревушку, где через пару дней получили направление в город Жлобин. Наш сопровождающий знал дорогу, но мы ехали, ехали, а Жлобина все не было. Ничего не оставало, как поехать по дороге, на которой было написано: «На мины не проверено». Всех обуял нервный смех. Женя Жаров, сын Михаила Ивановича Жарова, просто падал со скамейки. Так случалось и потом, когда бывало страшно. Жлобин ока-

зался не городом, а торчащими печными трубами и несколькими вернувшимися из леса жителями. Его взяли недавно. Побеседовали, сопровождающий куда-то сходил, и наутро отправились искать Бобруйск. В тот день мы ртов не закрывали. Грузовик медленно шел рядом с дорогой, забитой мертвой немецкой техникой. На земле — захваченное добро: подушки, прочий скраб; на поле — трупы людей, лошадей...

Понервничали на переправе перед Бобруйском: образовалась пробка, уже темнело, могли быть налеты. Совершенно потерявший голос офицер пытался навести порядок. Проехали. Бобруйск горел. Парень-регулировщик со сверкающими на грязном лице зубами и сияющими глазами кричал нам: «Артисты, давай!» И артистически орудовал флажками.

Бобруйск. Здесь был штаб Рокоссовского. В одноэтажном доме с дворками жили пленные немецкие генералы. Отправляясь в столовую, мы каждый раз смотрели на них через щель в воротах. Видели, как длинный тощий генерал стирал в тазике; видели толстого бургомистра Бобруйска Гамана, он устраивал лагеря и брал у детей кровь на разные нужды...

Жили мы в хатах. Одна хозяйка называла нас не иначе, как «ой, соколики-ослобонители!»

Работа началась. Утром мы погрузились в кузов и поехали. В лесу у танкистов нас ждал завтрак. Был вырыт окопчик в форме кольца, мы сели на его внешний край,

спустили ноги. Перед нами был круглый стол с елкой в центре. Перед каждым в жестяной кружке стоял так называемый «лесной коньяк», спирт-сырец, настоянный на чернике. Вкус его требовал отваги. Хитрили, как могли. После первого концерта нас уже ждали посланцы из другой части. Командир танкистов полковник Паппа взял с нас слово, что мы вернемся к ужину. После второго концерта накрыли белоснежной скатертью стол, подали сухое вино. Это «утирали нос» танкистам. Концерты нас успокоили, зрители реагировали бурно, потом обступали артистов, мы были из мирной жизни, всем хотелось поговорить...

Вечером вернулись к Паппе, сели за круглый стол. Вдруг подошел офицер, что-то тихо сказал, и в мгновение ока мы оказались за столом одни в крошечной тьме, фонарей не стало. Мы наощупь бродили по лесу, тихо аукались, нашли наконец наш грузовик и поехали домой. А танкисты пошли в наступление.

Армия наступала, подходила к границе. Мы не отставали, удавалось давать по 2—3 концерта в день. В воздухе чувствовалось «наступательное» настроение. Подошли к пограничному Бугу. День был жаркий, мы полезли в воду.

Тут пришло время рассказать о нашем водителе Саше Закопееве. Он был длинный, мрачный и очаровательный. Саша сел на берегу и задумчиво, подперев щеку, смотрел на купающуюся Ию Ою, пышнотелую, кровь с молоком. Она играла с

Ольга Малько

Евгением Жаровым дуэт из «Свадьбы в Малиновке». Саша сказал: «Ия Оя, высушся за воды... Щэ трошки... Щэ... От рошо».

Саша мастерски преодолевал по 300—400 км в день. Дороги были ужасные, мы иногда подвергались опасности вылететь за борт, но критики Саша не терпел. Он посещал все концерты, что мы весьма ценили, и во время поездок исполнял нашу программу. Мы с Константиновым играли французский водевиль «Волшебный пирог». Начался он так: я выносила пирог и говорила: «Хотела спечь Пьеру именнинный пирог, и вдруг — угли вместо пирога». В Сашинем исполнении это звучало так: «Боже ж мій, Боже ж мій, тількі шо хотіла іспекити тому Пхэру пірог, так він сгорів!»

В Польше нам велели поселяться всем вместе, мы предпочитали сеновалы. Местные жители поражались: «Пан скишпак (наш скрипач) живе в хліве?..»

Мы двигались следом за армией. На конец подъехали к Люблину, остановились на окраине. Вдруг — ужасный грохот над головой. «Катюши». Быстро откатились в пригород, нашли хороший сеновал, на котором жили два дня, пока Люблин не взяли. Немного «помародерствовали»: наши мужчины нашли на улице разорванный мешок со шпульками белой шерсти, принесли показать. Мы милостиво согласились взять по одной. Потом пошли и взяли еще по две. В Люблине смотрели на прохожих с каменными лицами, побывали на службе в костеле, съездили в концлагерь Майданек. Он был пуст, но печи еще дымилась. Увидели то, что недавно еще было людьми. Дорожки утрамбованы человеческими костями. На поляне перед баракком сидел последний заключенный со спокойными, умиротворенными глазами. Ему пока некуда было идти, ждал...

Фронт ушел вперед, пора домой. Возвращались своеобразно: сначала — в вагоне, прицепленном в единственном числе к паровозу, со скоростью 20 км. Рядом стояли платформы с рудами, на которые мы должны были мгновенно пересестись. Пересели, тронулись. Вскоре мы выглядели так: густо покрытые углем, сидя на орудиях, надев на какие-то ручки шпульки, мы мотали шерсть. Из Ровно в Киев нас привез нормальный поезд, но на чем и когда ехать в Москву, было не ясно. Побродили по разбитому Крещатику, посмотрели на Днепр, вернулись на вокзал. Нам сказали, что уходить с платформы нельзя, поезд может пойти. Наступала ночь, мы расстелили на платформе плащи и улеглись. До сих пор нас из-за костюмов часто принимали за американцев, но тут среди ночи почему-то раздался крик: «Где эти болгары?!» Мы подняли, вскочили и поехали домой.

Ольга МАЛЬКО